

АГНЕШ ДУККОН*

КУЛЬТУРНОЕ И ФИЛОСОФСКО-ЭСТЕТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ТВОРЧЕСТВА ДОСТОЕВСКОГО В ЖИЗНИ ВЕНГЕРСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ 1920-Х ГГ.

Статья посвящена вопросам восприятия Достоевского в Венгрии в 1920-е гг. В центре внимания автора стоят две группы публикаций: 1) статьи и эссе, появившиеся в авторитетном журнале *Nyugat* (Запад), прежде всего работы знаменитого языковеда Дюлы Лазициуса; 2) работы о Достоевском венгерского писателя, поэта Эрвина Шинко, участника венгерской коммунистической революции в 1919 г. Цель нашей работы: показать многообразие в восприятии Достоевского за исторически сложный период в Венгрии и выявить уровень знания и понимание творчества писателя, а также и личные мотивации в выборе темы у цитированных авторов.

Ключевые слова: восприятие произведений Ф. М. Достоевского, Венгрия, Дюла Лазициус, Эрвин Шинко, журнал *Nyugat*, Ставрогин, экзистенция, революция.

Второе десятилетие XX в. заканчивалось для Венгрии трагично: поражение и распад Австро-Венгерской империи в Первой мировой войне, затем 133 бурных и хаотичных дня Венгерской Советской Республики с 21 марта до 1 августа 1919 г. («красный террор»), потом «белый террор» как возмездие до конца 1920 г. и, наконец, Трианонский договор (4 июня 1920) ввергли страну в глубокую беду. Жесткие условия и последствия заключения («диктата») мира, чувство позора и несправедливости тяжело сказались на моральном состоянии общества, определив депрессивное состояние послевоенного поколения. Но, несмотря на тяжелое положение страны, или, может быть, вопреки трудностям, в венгерском обществе началось своего рода духовное и культурное возрождение: в области литературы, изобразительного искусства, музыки и науки появились гениальные творцы, развертывались значительные инициативы, зарождались новые журналы и книжные издательства. На этом фоне венгерская читающая публика

---

* Агнеш Дуккон, доктор филологических наук, доктор Венгерской академии наук, профессор эмеритус, Университет им. Лоранда Этвеша, Будапешт, Институт славянской и балтийской филологии — dukkonagnes@gmail.com

Agnes Dukkon, PhD, doctor of Hungarian Academy of Science, Professor emeritus, University named Lorand Eötvös, Budapest, Institute of Slavic and Baltic Philologies.

с искренним интересом восприняла творчество двух великих русских писателей, Ф. М. Достоевского и А. П. Чехова. Они были известны венгерским читателям с конца 1880-х гг., их произведения переводились и издавались с каждым годом все чаще, однако можно утверждать, что время глубокого понимания Достоевского и Чехова в Венгрии наступило именно в 1920-е гг. Этому способствовало не только царившее в обществе трагическое мироощущение вследствие превратностей исторического пути страны, но и возрастающая популярность новых философских концепций — экзистенциализма, персонализма и др. В 1924 г. в издательстве «Népszava» («Голос народа») в Будапеште было издано собрание сочинений Чехова на венгерском языке, два другие издательства — «Révai Testvérek» и «Franklin-Társulat» — опубликовали собрание сочинений Достоевского. В это время тексты обоих авторов переводились с русского языка напрямую, а не с немецких и французских переводов, как было раньше. К отдельным томам, выпущенным издательством «Révai», прилагались развернутые вступительные статьи, временами чрезвычайно обстоятельные, содержащие и до сих пор сохраняющие свою ценность наблюдения и трактовки. Из этого ряда особого внимания заслуживают работы психолога Йоланты Нойфельд-Апати (Neufeld-Apáthy Jolán, 1861–1931) и лингвиста Дюлы Лазициуса (Lazicius Gyula, 1896–1957)¹.

Йоланта Нойфельд-Апати, одна из первых последователей Зигмунда Фрейда, написала предисловие к неоконченному роману Достоевского «Нечотка Незванова» под заглавием «Достоевский — психолог», а к «Преступлению и наказанию» — большую вступительную статью «Проблема Раскольников» (1926)². В предисловии рассматриваются комплексные вопросы о соотношении признаков болезни и здоровья в семантике произведения, о внутренней раздвоенности персонажей, о борьбе сознания и подсознания; в ее исследованиях видна начитанность автора в области современной ей литературы о творчестве писателя. Мы не имеем данных о конкретных источниках сведений, но, вероятно, ими могли быть труды Достоевского на немецком и французском языках, которые к началу 1920-х гг. были доступны для западноевропейской читающей публики.

---

¹ Избранные труды Лазициуса на английском языке: *Sebeok Th. A. (ed.) Selected Writings of Gyula Lazicius*. The Hague — Paris, 1966. 226 p. Его биографию см.: *Portraits of Linguists: A Biographical Source Book for the History of Western Linguistics, 1745–1963: in 2 vols.* / Edited by Th. A. Sebeok. Bloomington — London, 1966. 580 p.; 606 p.

² Более подробно см.: *Дуккон А. Рецепция Достоевского в Венгрии в 1920–40-е годы в ключе экзистенциальной философии* // *Studia Slavica Hung.* 2007. No. 52 (1–2). P. 87–94. Статьи Й. Нойфельд-Апати были переизданы в третьем томе серии *Orosz írók magyar szemmel*, III. *Az orosz irodalom magyar fogadtatásának válogatott dokumentumai 1920-tól 1944-ig* [Русские писатели венгерскими глазами. Т. III. Избранные документы венгерского восприятия русской литературы между 1920 и 1944]. Szerk. Á. Dukkon. Budapest, 1989. 680 p.

В круге журнала *Nyugat*

Можно составить длинный список имен выдающихся писателей, поэтов, критиков и мыслителей, которые именно в это десятилетие посвятили свои статьи и эссе творчеству Достоевского. Самым авторитетным литературным форумом такого рода оказался в это время журнал *Nyugat* («Запад», 1908–1941), в котором в 1920-е гг. появилось значительное число интересных публикаций — статей, эссе, рецензий о русской литературе. Заметим, что вокруг этого форума сконцентрировалась так называемая «западническая», наиболее прогрессивная часть венгерской интеллигенции, но открытая атмосфера редакции вообще и особые ценностные приоритеты главного редактора, знаменитого поэта и писателя Михая Бабича (1881–1941) допускали широкий диапазон идеологических вариантов в публикациях, где были представлены самые различные мировоззрения и убеждения их авторов. В редакции журнала работал и переводчик Хюго Геллерт (Gellért [Goldmann] Hugó, 1890–1937), ему принадлежат переводы на венгерский таких значительных произведений, как «Дело Артамоновых» М. Горького (1926; обратим внимание на то, что в данном случае венгерское издание романа опередило его появление в печати на языке оригинала), «12 стульев» Ильфа и Петрова, рассказов современных советских писателей (И. Бабеля, Л. Гроссмана, Вс. Иванова, Ю. Олеши, К. Паустовского, Б. Пильняка, Н. Тихонова и М. Зощенко). Геллерт научился русскому языку в бытность военнопленным в период Первой мировой войны, вернувшись на родину, принес с собой отличное знание языка и осведомленность в русской литературе, а позже, в 1930-е гг., его интерес распространился и на вышеупомянутых советских писателей. Среди многих публикаций о русской литературе, появившихся в 1920-е годы в журнале *Nyugat*, статьи о Достоевском привлекали к себе особенное внимание: с 1921 до 1928 г. появилось восемь статей и рецензий о его произведениях. Кроме этого журнала, и в других периодических изданиях и сборниках публиковались многочисленные работы о писателе, в итоге за короткое время он приобрел определяющее значение для послевоенного поколения венгерской интеллигенции.

Чуть позже, в начале 1930-х гг., знакомство с произведениями Достоевского начинает влиять на содержание и стиль произведений венгерских писателей. Аладар Кунц (Kuncz Aladár, 1885–1931) создал свой роман «Черный монастырь» (Fekete kolostor, 1931) под влиянием «Записок из Мертвого дома». Это произведение Достоевского, которое Кунц прочитал еще в молодости, оказалось для него не совсем обычным эстетическим опытом, послужив своего рода образцом синтеза художественного вымысла и личного воспоминания. Находясь во французском плену с 1914 по 1920 г. как гражданин враждебной для Франции Австро-Венгерской империи (он случайно оказался летом 1914 г. в Париже и был арестован), Кунц испытал страдания, подобные

тем, которые пережил в ссылке Достоевский, и далее уже сознательно и «литературно» подвергал рефлексии типичные тюремные ситуации. Впечатления от знакомства с романом «Записки из Мертвого дома», вынесенные из далекой юности, обретали во время жизни в плену черты живой реальности: опыт несвободы, с которым он знакомился по «Мертвому дому» Достоевского, вдруг повторился в его собственной жизни. До создания «Черного монастыря», еще в 1924 г., в журнале *Nyugat* было опубликовано эссе Кунца об «Идиоте» под заглавием «Мистицизм Достоевского»³, в котором автор говорит о мировом значении романа и подробно разбирает образ Мышкина, в котором он усматривает попытку определения характера русского сверхчеловека. Важно заметить, что понимание Кунцем этого феномена не совпадает ни с *Übermensch* Ницше, ни с толкованием феномена сверхчеловека русскими философами и писателями на рубеже XIX–XX вв. Кунц подчеркивает антиномичность образа князя: он слишком ранний человеколюбец, тем самым, как незрелый плод, обречен на гибель. Тем не менее Мышкин и в такой ущербной форме остается символом героизма Доброты, пишет Кунц⁴.

Другой писатель, творчество которого начинается в 1920-е годы, Ласло Немет (Németh László, 1901–1975), также глубоко вчитывался в произведения русских классиков, из числа которых путеводными звездами для него стали А. Пушкин и Л. Толстой⁵, однако и произведения Достоевского оставили след в его художественном мышлении. В 1929 г. появился первый роман Немета, в котором можно увидеть ряд мотивов «Преступления и наказания» Достоевского, как, например, общее в чертах его главного героя с Родионом Раскольниковым — максимализм, эстетическое начало в характере, идея избранности и пр.

Из числа сотрудников журнала *Nyugat* назовем еще двух литераторов, посвящавших ценные эссе Достоевскому и, в целом, русской литературе. Поэт и переводчик Дьёрдь Шаркёзи (Sárközi György, 1899–1945) в своем анализе «Записок из Мертвого дома» (1923) размышляет о специфически русском понимании греха и греховности, указывая

---

³ Kuncz A. Dosztojevszkij miszticizmusa [Мистицизм Достоевского] // *Nyugat*. 1924. No. I. O. 137–142. О влиянии Достоевского на Алладара Кунца и на других венгерских писателей межвоенного периода см. статью: Дуккон А. К вопросу восприятия Достоевского в Венгрии в первой половине XX века // Стукалова О., Олесина Е. (ред.) Интеграция и образование: Теория и практика междисциплинарных исследований. М.: Институт художественного образования и культурологии Российской академии образования, 2017. С. 113–122.

⁴ Там же. С. 118.

⁵ В 1929 г. в журнале *Nyugat* Ласло Немет опубликовал рецензию о двух книгах, тематизирующих биографические факты из жизни Толстого: избранные страницы из переписки и воспоминаний. Обе книги были составлены Рене Фюлопом-Миллером и переведены на венгерский язык. Позже Ласло Немет написал монографию о Пушкине, перевел роман «Анна Каренина», повесть «Отец Сергей» и опубликовал эссе о работе над переводом романа.

на столь характерный для русского богоискательства апофатический подход, так называемый *via negationis*, приближение к Богу через Его отрицание. Критик и эссеист Дюла Сини (Szini Gyula, 1876–1932)⁶ выдвигает вопрос о том, что для русских писателей надо было бы выдумать новую эстетику, потому что сущность их произведений — искание истины — невозможно оценивать традиционными эстетическими категориями. Их цель состоит не в сотворении эстетического совершенства и поиске гармонии, а в обнаружении и исследовании дисгармонии. На этой основе Сини отвергает и известное общее место в критике нестройной структуры романов Достоевского и недостаточно «художественного» стиля. Он приписывает эти «нестройности» не внешним и случайным событиям жизни писателя (таким как вечные денежные затруднения, обуславливавшие торопливость в работе), а сознательному и глубоко обдуманному драматическому построению ситуаций. Такая драматическая сгущенность в романах Достоевского является не просто приемом поэтики, но самой сущностью мышления и миро-созерцания писателя. К произведениям Достоевского Дюла Сини применяет жанровое определение «роман-драма» по аналогии с термином «роман-трагедия», выдуманного Вяч. Ивановым, хотя доказательств, что он знал труды поэта-философа Серебряного века, не существует. По его мнению, напряженность развития художественной идеи в романах Достоевского требует именно компонования действия в драматические (с эффектом «театральности») сцены и явления, потому что адекватное выражение противоборствующих мыслей есть диалог между двумя точками видения мира. В статье Сини обнаруживается понимание одной из главных специфических черт поэтики Достоевского, а именно — диалогичности, это особенно важно заметить, так как в большинстве других публикаций, посвященных Достоевскому в это время, вопросы поэтики и эстетики затрагиваются меньше.

В журнале *Nyugat* начиналась научная карьера языковеда Дюлы Лазициуса. В 1930-е гг. он стал лингвистом с европейской известностью⁷, но еще до этого публиковал статьи, рецензии и серьезные исследования о русской литературе, его докторская диссертация (1929 г.) посвящена русской философии, а именно влиянию Гегеля на В. Г. Белинского⁸.

---

⁶ Szini G. Dosztojevszkij // *Írói arcképek* [Достоевский // Портреты писателей]. Budapest, 1922. О. 36–59.

⁷ Лазициус занимался фонологией и фонетикой, был первым и самым значительным представителем учения Соссюра в Венгрии, стал сотрудником следующих периодических изданий по языкознанию: *Acta Linguistica* Koppenhagen, *Archiv für vergleichende Phonetik und allgemeine Sprachwissenschaft*, *Zeitschrift für slavische Philologie* (Leipzig — Heidelberg). Лазициус часто выступал на международных конгрессах по языкознанию и считался самым авторитетным венгерским собеседником в дискуссии с членами Пражского лингвистического кружка.

⁸ Одновременно с венгерским изданием появился и немецкий вариант диссертации: *Lazicius Gy. Fr. Hegels Einfluß auf V. Belinskij* // *Zeitschrift für slavische Philologie*. 1929.

Из двадцати девяти его искусствоведческих и культурологических работ, написанных в период 1922 по 1931 г., семнадцать посвящены русской литературе. Среди них есть статьи о В. Г. Белинском, Л. Толстом, Ф. М. Достоевском и об отношении советской власти к православной церкви. Среди них есть рецензии, например, о немецкой монографии о Чаадаеве, о «русской серии» издательства «Типографии Кнера», в которой появились в венгерском переводе произведения А. Ремизова, М. Пришвина, Л. Леонова, И. Шмелева, А. Толстого и А. Неверова. В 1984 г. нами была опубликована обзорная статья о значении Лазициуса как знатока и интерпретатора русской литературы⁹, но содержание каждой его публикации не обсуждалось подробно, и кроме этого, в ходе исследования темы за предыдущие десятилетия появились новые интерпретации и факты. В настоящей статье мы вкратце разбираем три работы Лазициуса, появившиеся в журнале *Nyugat*: эссе «Ставрогин в “Бесах”» (*Sztavrogin az Ördögösökben*, 1927), статью «Развитие Достоевского» (*Dosztójevszkij fejlődése*, 1928) и предисловие к роману «Село Степанчиково и его обитатели» (*Sztyepancsikovo falu és lakosai. Bevezetés*, 1929). Прежде чем приступить к анализу этих работ, придется вспомнить источники Лазициуса, которые нам удалось обнаружить и представить. По ссылкам в его трудах можно установить, что он основательно изучил следующие три книги: Е. А. Соловьев «Опыт философии русской литературы» (М., 1922), его же «Ф. Достоевский. Его жизнь и литературная деятельность» (Казань, 1922) и самый богатый источник, «Ф. М. Достоевский. Статьи и материалы» (под ред. А. С. Долинина. Пг, 1922). В этом последнем Лазициус мог познакомиться с работами Л. Карсавина («Достоевский и католичество»), Е. Покровской («Достоевский и петрашевцы»), И. Лапшина («Эстетика Достоевского»), В. Виноградова («Стиль петербургской поэмы “Двойник”») и т. д., а конкретно ссылается он на работу С. Аскольдова «Религиозно-этическое значение Достоевского», которая явилась для него поводом проанализировать характер Ставрогина. Творческим импульсом для него оказалось второе издание на венгерском языке романа «Бесы» («Реваи», 1923) в переводе Эндре Сабо¹⁰. В начале своего эссе Лазициус выдвигает следующий тезис: напрасны были бы все старания венгерского исследователя трактовать «лишнего человека» как самого типичного представителя русской литературы, как исключительного

№. 5. S. 339–355. Еще в 1922 г. Лазициус опубликовал статью о Белинском в авангардном литературном журнале *A Kékmadár* («Голубая птица», с. 234–237).

⁹ Дуккон А. Дюла Лазициус о русской литературе // *Studia Slavica Hung.* 1984. Т. XXX. С. 157–164.

¹⁰ Первое издание «Бесов» вышло в 1909 г., также в переводе Эндре Сабо (1848–1924). Он принадлежал уже к тем переводчикам, которые хорошо владели русским языком. Сабо переводил из русской литературы произведения Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Тургенева, Некрасова, Чехова, Л. Толстого и Достоевского. Переводы романов и повестей Достоевского принесли ему особую известность.

носителя русского мирозерцания и русской души, если невозможно было бы найти его у «самого русского писателя», Достоевского, если не нашелся бы у него хоть один такой герой из многочисленной семьи Онегиных. В образе Ставрогина Лазициус усматривает литературного родственника лишних людей, особенно в произведениях И. С. Тургенева и А. И. Герцена, хотя на первый взгляд общие черты в их характерах не сразу бросаются в глаза: грусть разочарования, жесты ранней усталости и склонность к пассивности. Ставрогина никто не причислил бы к группе «лишних людей» после первого чтения романа. Окружение, воспитание, образ жизни и развлечения у него такие же, как у многих представителей русской «золотой молодежи» второй половины XIX в. Действие романа происходит в 1869 г., после освобождения крестьян, но жизнь в усадьбе, внутренняя структура дома Ставрогиных сохраняется в неизменных формах реалии предыдущих десятилетий, тем самым — среду и почву бытия «лишних людей». Лазициус сопоставляет Ставрогина с другими «лишними людьми» русской литературы XIX в., и определяет самое важное различие между героем Достоевского и героями Тургенева: «Ставрогин сломался тоже в этом возрасте, столь опасном для русского человека, но не по слабости, а потому, что нет у него веры. Его провал по-настоящему — падение по-Достоевскому: среди героев Достоевского окончательно падают только те, у которых нет веры, которые не веруют в Бога; вера не в жизнь или в какую-то возможную цель в жизни, а глубокая христианская вера, которая может поднимать и в самом низком падении»¹¹.

Еще до написания этого эссе о Ставрогине Лазициус обнаруживает интерес к философии, и не только к европейской и светской, но и к русскому религиозному мышлению. В ранней статье о В. Белинском¹² отражается его начитанность в этой области знаний. Параллельные занятия произведениями Белинского и Достоевского плодотворно влияют на понимание им творческого наследия критика и писателя. Он глубоко чувствует драматический характер «борьбы» Белинского с учением Гегеля, указывает на внутреннее напряжение в мышлении критика после того, как он отходит от взглядов немецкого философа, кумира кружка Н. Станкевича, одного из центров русской интеллектуальной жизни второй половины 1830-х гг. Хотя к началу 1840-х гг. разочарование в гегелевской философии в русском обществе нарастало, но, по наблюдениям Лазициуса, у Белинского сохранилась эстетическая зависимость от прежних идей, что выражается в принципе единого органического развития интеллектуальной жизни и в классификационных критериях критики.

Все эти проблемы, которые Лазициус изучал в связи с Белинским, общее положение русской духовной культуры в середине и во второй

---

¹¹ *Lazicius Gy. Sztavrogin az Ördöngösökben* [Ставрогин в «Бесах»] // *Nyugat*. 1927. No. I. O. 145.

¹² См. сноску 8.

половине XIX в., оказываются применимы и к изучению Достоевского. Именно философский, а не сугубо социологический подход к проблеме «лишнего человека» помогает ему глубже понять такие сложные явления, как характер Николая Ставрогина в «Бесах», и объяснить его трагедию с экзистенциальной точки зрения. Слабость героя, по мнению Лазициуса, коренится не во внешнем — его общественном положении, как, например, в случае Бельтова («Кто виноват?» А. Герцена), Рудина из одноименного романа И. Тургенева и др. подобного рода персонажей русской литературы, но во внутренней раздвоенности, в неспособности до конца пройти по пути отрицания, чтобы там приобрести благодать Бога или остаться «с миром сим», принимая его правила и плоды. Не имея никакого положительного, сильного жизненного принципа или веры в Бога, Ставрогин разделяет судьбу «лишних людей», осознавая опустошенность и бессмысленность своей жизни. В конце статьи Лазициус ссылается на концепцию Аскольдова, согласно которой Ставрогин является центром в психологической семье Раскольникова, Карамазовых, Версилова, Мышкина и Зосимы: все те душевные данности, которые у этих фигур достигают определенного развития, в характере Ставрогина также имеются, но в плену дьявольского замкнутого круга (философское топтание на месте в дилемме «веры — неверия»), они неспособны развернуться и продвинуться к какой-либо ясной цели. Аскольдов, по мнению Лазициуса, считает Ставрогина ключом к пониманию других великих образов Достоевского, и автор статьи добавляет: если это правда, тогда именно «лишний человек» является одним из важнейших психологических решений писателя.

Венгерское издание романа «Село Степанчиково и его обитатели» появилось с предисловием Дюлы Лазициуса в 1929 г., а в 1931 г. статья была опубликована отдельно на немецком языке под заглавием «Die Leibeigenenfrage bei Dostojewskij» в журнале *Zeitschrift für slavische Philologie*¹³. В первых пяти главах предисловия Лазициус рисует широкую картину развития литературной деятельности Достоевского, говорит о его литературном и общественном окружении, а шестая глава посвящается анализу романа и толкованию отношения писателя к освобождению крестьян. Первые главы исследования были подготовлены раньше и в 1928 г. появились в журнале *Nyugat* под заглавием «Развитие Достоевского» (*Dosztójevszkij fejlődése*), доказывая, что интерес автора к творчеству Достоевского продолжительно растет и углубляется. Вводные мысли статьи группируются вокруг универсальности писателя; в этом комплексе каждый может найти «свое», т. е. оправдание собственных идей, подтверждение своих взглядов. Старшее поколение славянофилов признавало в нем охранителя русских традиций, молодое поколение Православной церкви и часть русской интеллигенции

---

¹³ *Lazicius Gy.* Die Leibeigenenfrage bei Dostojewskij // *Zeitschrift für slavische Philologie.* 1931. Bd. VI. Hf. 1–2. S. 54–62.

считали Достоевского защитником идеи строительства христианской культуры, а на Западе приветствовали в писателе универсальность, профетичность и статус заступника «униженных и оскорбленных». Однако, ссылаясь на замечание Андре Жида, Лазициус пишет, что Достоевский является тем универсальным творцом, в котором не только каждый находит «свое», но кроме этого, еще и такое, с чем неохотно соглашается. Автор статьи заключает это рассуждение обращением внимания читателей на особенности поэтики Достоевского: внутреннюю диалогичность его творчества, которая не допускает никаких присвоений в пользу той или иной идеологии или какой-то общественной и политической программы, потому что такое стремление сразу находит в этом комплексе и свое отрицание.

В следующих главах Лазициус прослеживает этапы развития творчества Достоевского. Он подробно анализирует значение Гоголя не только как учителя молодого писателя, но и для формирования следующего этапа развития русской литературы вообще. Он подчеркивает тему города, которая с Гоголем вошла в русскую литературу, хотя уже существовала в XVII в. в «Повести о Фроле Скобееве», но только в 1830–1840-е гг. открылась настоящая литературная перспектива изображения городского человека и городской жизни. В связи с этими вопросами затрагивается и петербургская тематика у Достоевского, и Лазициус замечает, что начинающий писатель является скорее учеником города, Петербурга, чем Гоголя. В этой главе говорится о кружке петрашевцев и об участии в нем Достоевского, и Лазициус связывает эти биографические факты с образом Шатова из романа «Бесы»: в характере и в действиях «обращенного революционера» просвечивают мотивы и реалии, напоминающие движение Петрашевского во второй половине 1840-х гг. Третья глава статьи полностью посвящена периоду ссылки Достоевского в Сибири; видно, что автор оказывается под сильным влиянием «Записок из Мертвого дома», так же как его вышеупомянутые коллеги, Дьёрдь Шаркёзи и Аладар Кунц. Сам Лазициус также испытывал страдания заключения: в Первой мировой войне с 1915 г., подобно Хуго Геллерту, он воевал на Восточном фронте и в 1916 г. попал в плен. Два года он прожил в плену в Нижнем Новгороде, так же хорошо усвоил русский язык и познакомился русской литературой, а после возвращения на родину эти новые знания прибавлялись к его основному образованию — венгерской и немецкой филологии. Можно сказать, что случайность привела Лазициуса к Достоевскому, а затем к славистике¹⁴, таким образом, в облике этой случайности выступила судьба.

---

¹⁴ С 1930-х гг. несколько лет Лазициус вел семинары по истории русской литературы XIX в. и по фонетике славянских языков в Будапештском университете, занимался фонологией, интерпретировал мысли Соссюра, поддерживал связи с членами Пражского лингвистического круга. В 1938 г. он основал кафедру общего языкознания. Лазициус принадлежал к первым профессорам, преподававшим русский язык и литературу в Будапештском университете. В 1950 г. его уволили оттуда на основе ложных политических

Глава о каторжной жизни и о ее отражении в «Записках из Мертвого дома» оканчивается установлением, что Достоевский в Сибири обогатился двумя решающими переживаниями: с одной стороны, он обрел опыт сопротивления обстоятельствам силами одинокого человека, а с другой — каторга «подарила» ему Библию. Далее он продолжает анализ отношения Достоевского к религии, набрасывая краткую историю православия, чтобы в этом широком контексте определить характер религиозности писателя. Он подчеркивает, что христианство Достоевского одновременно библейское и православное: он одинаково хорошо знает библейские тексты и восточную церковную литературу. Точками опоры для развития этой темы автору служат романы «Идиот» и «Братья Карамазовы», высоко оцениваются образы Мышкина и Алеши Карамазова, а также поэма Ивана Карамазова «Великий инквизитор». Лазициус считает гениальным решением Достоевского столкнуть две модели христианства, католицизм и православие, в образах Инквизитора и Христа; в молчаливом Иисусе он усматривает и *пассивное христианство* самого писателя: «Да, христианство Достоевского является и пассивным христианством. За ним горит желание бессмертия, но когда свет этого внутреннего огня падает по сю сторону смерти, на жизнь, как будто этот огонь ослабевает. Глубина веры остается, но его огонь тускнеет. Фигуры Достоевского вообще не принадлежат к активным представителям религиозности. Двое из них, Алеша и Мышкин, кажутся такими, по интенциям писателя. Но тяжелая история Карамазовых похожа на темное здание, в котором лишь одно окно было запланировано. Напрасно Достоевский нагромождает со своей великолепной теневой техникой все новые и темные слои вокруг единственного источника света, напрасно наращивает интенсивность, все более спускается над нами громада тьмы, тем сильнее мы чувствуем, что мало этого единственного источника света. Мало светлой доброты Алеши среди мрачных тонов остальных Карамазовых. Из образа Мышкина падает больше света на внешний мир в романе, даже его по-детски свежая доброта и чистая любовь озаряет и темные углы, но мы постоянно колеблемся в неопределенности насчет его психического состояния»¹⁵.

По мнению Лазициуса, в мире Достоевского, кроме Мышкина и Алеши, нет представителей активно действующей христианской морали; есть «униженные и оскорбленные», есть самоосуждение и самобичевание, страдание, сострадание и смирение, но все это характеризует

обвинений, даже лишили его членства в АН Венгрии, и профессор международного значения и репутации вынужден был довольствоваться скромной работой при Академии до своей смерти в 1957 г. Его реабилитация совершилась поздно, он получил «Премиию Кошута» (самую высокую награду в Венгрии) посмертно, в 1990 г.

¹⁵ Цитирую по новому изданию текста: Orosz írók magyar szemmel, III. Az orosz irodalom magyar fogadtatásának válogatott dokumentumai 1920-tól 1944-ig [Русские писатели венгерскими глазами. Т. III. Избранные документы венгерского восприятия русской литературы между 1920 и 1944]. О. 296–311, цит. о. 305–306.

скорее пассивное христианское мироотношение. Лишь в единственном случае можно видеть исключение: когда идет речь об исторической миссии православия, «русской идее» Достоевского. Лазициус, как и многие другие интерпретаторы Достоевского, усматривает в философии писателя эсхатологическую веру в призвание восточной церкви и России: после распада католицизма, и вместе с ним западной культуры, придет время для православия восстановить объединяющую человечество идею братской любви на новых, более высоких основах. А крушение Европы неизбежно совершится из-за внутреннего противоречия двух начал: принципа христианства и империалистической традиции Рима. В заключение Лазициус подробно рассматривает взгляды Достоевского на настоящее и будущее России, выраженные в его романах и публицистике. Он опирается, кроме романов Достоевского, и на другие источники, а именно на вышеупомянутые книги и статьи, трактующие вопросы русской культуры, в частности отношение писателя к католицизму. Его интерес к русской философии и культуре остается неизменным и в дальнейшем: он создает рецензию о русском эмигрантском журнале «Русская мысль» (*Der russische Gedanke*), выходявшем в Бонне под редакцией Бориса Яковенко¹⁶. В номере за 1929 г. появились труды С. Булгакова, П. Флоренского, Л. Карсавина, Н. Лосского, Н. Бердяева, статью которого Лазициус считает самым репрезентативным трудом («*Le problème métaphysique de la liberté*»). Он следил и за другими славистическими журналами, изданными в Европе, в том числе *Archiv für slavische Philologie*, *Revue Slavistique*, *Zeitschrift für slavische Philologie*. В последнем журнале в номерах за 1920–1930-е гг. появились три работы о Достоевском, которые, по всей вероятности, были известны и Лазициусу, судя по его полемическим или утвердительным замечаниям или ссылкам при разборе отдельных вопросов творчества писателя. Одна из них — это большая статья на немецком языке Г. Прохорова «*Das soziale Problem bei Dostojevskij*»¹⁷, проблематика которой имеет связь с работой Лазициуса о крепостническом вопросе у Достоевского в предисловии к роману «Село Степанчиково...». Венгерский ученый полемически упоминает некоторые такие взгляды в современном достоевведении, например книгу К. Нётцеля (K. Nötzel)¹⁸, которые слишком прямолинейно связывают достоинства литературных произведений с идеологическими тенденциями. По мнению Лазициуса, настоящая художественная ценность гарантируется психологическим и поэтическим уровнем, мастерством изображения Фомы и его окружения в романе «Село Степанчиково...». Хотя он не говорит о третьем,

---

¹⁶ *Lazicius Gy.* Egy orosz bölcséleti folyóirat “Der russische Gedanke” (Jakovenko folyóirata) [Русский философический журнал *Der russische Gedanke* Яковенко] // *Budapesti Szemle* [Будапештское обозрение]. 1929. No. 214. O. 309–311.

¹⁷ *Prochorov G.* Das soziale Problem bei Dostojevskij // *Zeitschrift für slavische Philologie*. 1929. No. 6. S. 375–410.

¹⁸ *Nötzel K.* Das Leben Dostojevskijs. Leipzig, 1925. S. 334–335.

пародийном уровне романа, о котором Ю. Тынянов написал замечательный анализ¹⁹, но его интерпретацию мы считаем также верной: при разборе этого произведения Достоевского «Лазизиус уделяет особое внимание тому, чтобы поставленной цели анализа отношения Достоевского к крепостному праву достичь не дедуктивным, а индуктивным методом, считаясь со всеми голосами»²⁰.

В заключение можно сказать, что Дюла Лазизиус был первым среди венгерских русистов, который близко подошел к пониманию своеобразия поэтики Достоевского, хотя и не создал законченной теории на основе своих наблюдений. Он мог успешно использовать свои философские и теоретические познания в области лингвистики, а результаты его занятий русской литературой, к сожалению, надолго остались в забвении в силу известных политических обстоятельств. Не только труды о русской литературе, но и его лингвистическая деятельность получили достойное официальное признание в Венгрии лишь после 1990 г.

Кроме эстетических и филологических интерпретаций произведений Достоевского в венгерской печати, в различных изданиях появлялись статьи и рецензии о творчестве писателя, в которых то сильнее, то слабее стал выражаться интерес к личности и жизненному пути Достоевского. В начале нашей статьи подчеркивалось, что в это десятилетие Достоевский был для многих представителей венгерской интеллигенции настоящим открытием и одновременно загадкой: не только его романы и эстетические, философские проблемы, но и сама его личность и биография тоже возбуждали живой интерес. Как будто и на этот раз оправдалось мнение Андре Жида: в Достоевском каждый ищет и находит себя самого. По крайней мере, многие старались найти у Достоевского ответы на свои собственные экзистенциальные проблемы. К этому типу публикаций принадлежит эссе Эрвина Шинко «Экзистенция и иллюзия. Заметки к пониманию Достоевского» (1926)²¹, в котором отражаются и проблемы самого автора за текстом и под текстом.

Личность и биография²² Эрвина Шинко (1898–1967), венгерского писателя, поэта и профессора Загребского университета, также

---

¹⁹ Тынянов Ю. Достоевский и Гоголь. Пг., 1921. 48 с.

²⁰ Дуккон А. Дюла Лазизиус о русской литературе // *Studia Slavica Hung.* 1984. Т. XXX. С. 164.

²¹ *Sinkó E.* Egyszisztencia és látszat. Jegyzetek Dosztojevszkij megértéséhez [Экзистенция и иллюзия. Заметки к пониманию Достоевского] // *Korunk* [Наша эпоха]. 1926. О. 175–185. В нашей работе мы ссылаемся на новое издание статьи в сборнике: *Sinkó E.* Szemben a bíróval [Эрвин Шинко. Перед судьей]. Budapest, 1977. О. 104–123.

²² О жизни и творчестве Эрвина Шинко есть довольно богатая литература на венгерском, хорватском и немецком языках. Самые основательные сообщения и статьи на венгерском языке о Шинко написал критик и литературовед Иштван Бошняк. Мы здесь ссылаемся на предисловие Михая Шюкошда к изданию вышеупомянутых избранных трудов Шинко: *Sinkó E.* Szemben a bíróval [Перед судьей]. Budapest, 1977. О. 5–47. Краткую биографию Шинко можно прочитать на русском языке в «Энциклопедическом

представляет особый интерес: в 1916 г. он был призван в действующую армию и до конца войны служил там; одновременно имел связи с авангардным литературным и художественным движением поэта Лайоша Кашшака, представителя венгерского экспрессионизма, потом активно принимал участие в бурных революционных событиях в Будапеште в 1918–1919 гг. За это короткое время молодой Шинко — солдат, революционер и начинающий поэт — сталкивался с совершенно противоположными идеями и происшествиями: со страшной действительностью войны (в его обязанности в армии входил подвоз боеприпасов и эвакуация убитых солдат), с антимилитаристскими и гуманистическими воззрениями Кашшака и с мечтой о «мировой революции» (ведь и молодой Достоевский мечтал о «мировой гармонии» и участвовал в социалистическом кружке). Так в его биографии соприкасаются самые различные, временами антагонистические духовные, идеологические и политические течения эпохи. Он родился еще в Австро-Венгерской империи в городке Апатин (в настоящее время Сербия) в еврейской купеческой семье, в 1912–1914 гг. учился в городе Сабаджа (Суботица, Сербия), где он сблизился с социал-демократическим кружком и познакомился с произведениями К. Маркса, Ф. Энгельса, П.-Ж. Прудона, К. Каутского, и мечтал о мировой революции, которая принесет свободу, братство и равенство. Под влиянием идеализированного наследия французской революции прошли его молодые годы, с этими идеями он попал на фронты Первой мировой войны, после распада Австро-Венгрии включился в революционную деятельность коммунистов под руководством Белы Куна в Будапеште и, несмотря на молодость, исполнял ответственные должности в Венгерском совете. В противостояниях 1919 г. он старался быть верным своим гуманистическим идеям: например, будучи начальником города Кечкемет, не допускал методов «красного террора», казней и проявлений жестокости. После падения Венгерской Советской Республики он переживает глубокий духовный кризис, эмигрирует в Вену²³ и занимается философией и литературой.

словаре экспрессионизма» (https://expressionism.academic.ru/724/%D0%A8%D0%B8%D0%BD%D0%BA%D0%BE%2C_%D0%AD%D1%80%D0%B2%D0%B8%D0%BD (дата обращения 15.08.2020)).

²³ Жизнь Эрвина Шинко с 1920-х по 1940-е гг. прошла в эмиграции: он жил в Австрии, Югославии, Москве, Париже. В 1931 г. он начал писать роман о событиях и действующих лицах Венгерской Советской Республики под заглавием «Оптимистъ», который смог появиться в печати лишь в 1953–1955 гг. В 1945 г. он поселился в Югославии, в последующие годы стал профессором Загребского университета и членом Югославской академии наук, а между 1961–1967 гг. он преподавал венгерскую литературу в университете города Нови Сад. Он написал ключевое произведение об участии своего поколения в политических событиях XX в. под заглавием «Роман одного романа. Московские записки 1935–1937» (1961), вызвавший острую реакцию со стороны некоторых действующих лиц. Более подробно с эпохой «холодной войны» и со взглядами Эрвина Шинко на процесс Райка можно познакомиться на следующем сайте: <https://urokiistorii.ru/article/52183> (дата обращения 10.08.2020).

Разочаровавшись в революционной утопии и в самой окружающей действительности, он обращается к таким духовным источникам, как С. Кьеркегор, Достоевский, Л. Толстой, заветам Иисуса Христа и Будды. Такие внешние и внутренние обстоятельства характеризуют тот период — середину 1920-х гг., когда родилось его эссе «Экзистенция и иллюзия», посвященное сопоставлению идей Достоевского с философией Кьеркегора. Шинко анализирует вопрос в широком историко-философском контексте, указывая на совпадения мыслей русского писателя и датского философа. Значение статьи состоит в том, что она принадлежит к ранним опытам толкования творчества Достоевского под эгидой экзистенциальной философии.

В 1921 г. в венгерском эмигрантском журнале *Tűz* (Огонь), выходящем еженедельно в Братиславе, Шинко опубликовал статью «Кьеркегор», содержащую уже в начальном состоянии проблематику эссе «Экзистенция и иллюзия». Изучив книгу датского философа «Страх и трепет», он занимается парадоксами, связанными с нахождением пути к Богу, вопросами метафизического Спасения и индивидуального поиска Истины, рассуждает о том, что значит «страхом и трепетом» следовать за Христом. В ходе мыслей Шинко чувствуется отход от революционной утопии и открытие новых духовных перспектив. Его творческое внимание уходит от внешних, объективных, общественных вопросов, переходя к внутреннему миру человека, личности как таковой. Он размышляет и о противоречии так называемого «внешнего христианства» (оформленного в виде общественной институции) и внутреннего (личного религиозного чувства человека, его обращенности к Христу), о противоречии победоносного шествия христианства в истории человечества и трагическом пути и страданиях Иисуса Христа. В эссе «Экзистенция и иллюзия» продолжается ход его антиномических размышлений: в первой главе выдвигаются оппозиции «экзистенция и иллюзия», «субъективность и объективность», «этика и эстетика» в духе «Или-или» Кьеркегора, чтобы после такой философической подготовки перейти к Достоевскому. Во второй части автор анализирует отношения между эстетикой, моралью и религией в мире Достоевского, значение внутренней красоты в образах Мышкина, Алеши и Зосимы, рассуждает о противоположностях в истолковании сущности христианской любви у Зосимы и Ферапонта в «Братьях Карамазовых». Шинко приходит к выводу, что Достоевский смягчает, «очеловечивает» христианство: по его мнению, писатель снимает трагически абсолютное различие между Божественной и человеческой любовью. В Библии часто проявляется строгость и парадоксальность любви Бога, который наказывает того, кого любит, самое глубокое и мистическое выражение которой звучит в Псалме 21 и на кресте Иисуса: «Éli, Éli, lamma sabaktani» (Боже мой, Боже мой; для чего Ты оставил меня?). В Евангелиях также появляется бескомпромиссность в следовании за Христом, например в притче о богатом юноше (Мф. 19: 16–22, Мк. 10: 17–22),

и — еще радикальнее — в Евангелии от Луки, когда Христос зовет благовествовать Царствие Божие (Лк. 9: 57–62 — «предоставь мертвым погребать своих мертвецов; а ты иди, благовестуй Царствие Божие»). Шинко понимает учение и поступки Зосимы следующим образом: снисходя к слабым людям, старец облегчает недоступное им высокое, абсолютное требование Христа: «Кто хочет идти за Мною, отвергнись себя и возьми крест свой и следуй за Мною» (Мк. 8: 34). У Зосимы путь к Богу идет от самого человека, потому что Бог не присутствует в этом мире, а ждет человека в конце его земного странствования, и если бедный смертный очень страдает, тогда хоть подаст ему знак издалека. Внутренний свет и сострадание Зосимы есть не что иное, как выражение глубокой боли из-за невозможности окончательно утешить, успокоить плачущих и скорбящих. Он умалчивает о многом, жалея эти слабые, жалкие создания, подобно тому как взрослые иногда умалчивают о самых трудных проблемах, оберегая своих детей от непосильных тревог. Шинко утверждает, что образ старца оваян некоторой двусмысленностью и таинственной пленительностью, а в главе «Тлетворный дух» обнаруживается «скандал», ибо не оправдались ожидания наивных, поверхностных христиан насчет внешних признаков «святости» Зосимы. Именно в этой точке он распознает в образе Зосимы глубокое и трагическое родство с Великим Инквизитором. Как в аргументах Инквизитора появляется доброжелательная снисходительность по отношению к человеку, снятие с него бремени свободы, так и в жалости Зосимы к слабым и страдающим людям просвечивает слишком человеческое сострадание, отсутствие уверенности, способен ли человек понести свой тяжкий крест ради Христа. Жаль, что в трудах Шинко нет дальнейшего развития этой идеи, сопоставления христианской модели Зосимы с идеологией Великого Инквизитора. Так и осталось неизвестным, увидел ли он существенные различия между позициями и духовными предпосылками двух образов. К такому выводу приходит автор в конце своего эссе: «Христианство Достоевского — это не путь человека ко Христу, а путь одинокого человека — через Христа как единственную дорогу — к другому одинокому человеку. И красота, внутренняя красота является зовущим словом, которое зовет одиноких друг к другу, и Достоевский показывает эту красоту во всех душах, за исключением отца Ферапонта. Так случается, что конфликт между эстетикой и религией разрешается у Достоевского. Старец Зосима каждому предлагает деятельную любовь в качестве лекарства. <...> Проблемы искусства и существования (экзистенции) Достоевскому не удалось разрешить; но очевидно, что вопрос уже годами созрел у него, потому что его фигуры являются не только одинокими, а считают грехом свое одиночество. Все они лишь знают о Боге, но ни один из них, даже душа-человек Мышкин, не имеет Бога. Апокалиптическое видение “Бесов” является картиной неистового самоистязания без Бога осиротевшего мира, и так — через свое отсутствие — демонстрируется

Христос. В чем-то Достоевский смягчил и непримиримость “или-или” существования и художественного произведения. Его художественное творение не вызывает иллюзии; каждый его великий роман оканчивается вопросительным знаком, он никогда не дает иллюзии результата, и последний вывод остается всегда задачей для экзистующего субъекта, читателя»²⁴.

В этой цитате, как и в целой статье, ясно отражаются самые задушевные вопросы, тревожащие Эрвина Шинко: осуществим ли выбор свободы, способен ли человек противостоять искушению «Великого Инквизитора» (т. е. принятию обеспеченной, удобной жизни на земле ценой отказа от метафизической свободы)? Может ли человек пожертвовать земным счастьем ради высшей Истины, выбрать Царство Небесное, отказавшись от земного счастья? Шинко на собственном опыте убедился, куда ведет насильственная реализация общественных утопий: невозможно людей с помощью некоего учреждения довести до всеобщего счастья²⁵. После того как он утратил и революционный оптимизм, и веру в прежние идеалы, остается вопрос, чем возможно жить дальше? В нем до конца жизни не угасает чуткость к общественным проблемам, он многому научился в политической экономии Маркса, но это все оказывается недостаточным для разрешения экзистенциальных вопросов личности, о жизни и смерти. Шинко время от времени возвращается к проблемам, появляющимся в эссе о Достоевском. Его более позднюю статью «Пути Дон Кихота» (1938) можно считать эпилогом к эссе «Экзистенция и иллюзия»: герой Сервантеса служит ему поводом для анализа вопросов бытия человека и сущности истории, соотношения личности и общества. Он размышляет, стараясь найти решение с помощью духовного опыта и аргументов Кьеркегора, Маркса и образов литературы европейского Ренессанса.

Кроме работ, упомянутых и проанализированных нами, в Венгрии 1920-х гг. публиковалось немало других материалов, так или иначе связанных с творчеством Достоевского, среди которых есть весьма содержательные работы, свидетельствующие о широком многообразии

---

²⁴ Sinkó E. Egzisztencia és látszat. 1977 // Korunk. 1926. O. 122–123.

²⁵ Mutatis mutandis, процесс «перерождений убеждений» у молодого Шинко напоминает страстные искания истины В. Г. Белинского. В начале 1840-х гг. он еще верил в якобинские идеи. 8 сентября 1841 г. он пишет Боткину: «...с нравственным улучшением должно возникнуть и физическое улучшение человека. И это делается через социальность. И потому нет ничего выше и благороднее, как способствовать ее развитию и ходу. Но смешно и думать, что это может сделаться само собою, временно, без насильственных переворотов, без крови. Люди так глупы, что их насильно надо вести к счастью. Да и что кровь тысячей в сравнении с унижением и страданием миллионов. К тому же: fiat justitia — pereat mundus!» (Белинский В. Г. Собрание сочинений. Т. XII. М., 1956. С. 71). В более поздних статьях Шинко все еще повторяются эти вопросы: как способствовать развитию человечества, если массовые методы превращаются в насилие? Тоска по идеям равенства — свободы — братства и одновременно полное понимание проблемы личности, ценность индивидуума (в духе Кьеркегора и Достоевского) всю жизнь волнуют его.

венгерской рецепции Достоевского. Выбранные нами авторы и их отношение к творчеству русского писателя выделяются из общего воодушевленного восприятия произведений Достоевского высоким уровнем осмысления и профессиональным знанием предмета — как это показывают статьи Дюлы Лазициуса, или стремлением понимать проблемы Достоевского в философском контексте, но одновременно приближаясь к теме личной заинтересованности человека в решении поднятых русским писателем «вечных вопросов» — как мы видели у Эрвина Шинко.

Библиографический список

- Белинский В. Г.* Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 12. М., 1956. 596 с.
Дело Райка 1949: взгляд из Югославии. URL: <https://urokiistorii.ru/article/52183> (дата обращения 10.08.2020).
- Дуккон А.* Дюла Лазициус о русской литературе // *Studia Slavica Hung.* 1984. Т. XXX. С. 157–164.
- Дуккон А.* Рецепция Достоевского в Венгрии в 1920–40-е годы в ключе экзистенциальной философии // *Studia Slavica Hung.* 2007. № 52/1–2. С. 87–94.
- Дуккон А.* К вопросу восприятия Достоевского в Венгрии в первой половине XX века // Стукалова О., Олесина Е. (ред.). Интеграция и образование: Теория и практика междисциплинарных исследований. М.: Институт художественного образования и культурологии Российской академии образования, 2017. С. 113–122.
- Энциклопедический словарь экспрессионизма. URL: https://expressionism.academic.ru/724/%D0%A8%D0%B8%D0%BD%D0%BA%D0%BE%2C_%D0%AD%D1%80%D0%B2%D0%B8%D0%BD (дата обращения 15.08.2020).
- Dukkon Á. (szerk.)* Orosz írók magyar szemmel, III. Az orosz irodalom magyar fogadtatásának válogatott dokumentumai 1920-tól 1944-ig [Русские писатели венгерскими глазами. Т. III. Избранные документы венгерского восприятия русской литературы между 1920 и 1944]. Budapest, 1989. 680 p.
- Kuncz A.* Dosztojevszkij miszticizmusa [Мистицизм Достоевского] // *Nyugat.* 1924. No. I. O. 137–142.
- Lazicius Gy.* Sztavrogin az Ördögösökben [Ставрогин в «Бесах»] // *Nyugat.* 1927. No. I. O. 145.
- Lazicius Gy.* Fr. Hegels Einfluß auf V. Belinskij // *Zeitschrift für slavische Philologie.* 1929. No. 5. O. 339–355.
- Lazicius Gy.* Egy orosz bölcséleti folyóirat “Der russische Gedanke” (Jakovenko folyóírata) [Русский философический журнал *Der russische Gedanke* Яковенко] // *Budapesti Szemle* [Будапештское обозрение]. 1929. No. 214. O. 309–311.
- Lazicius Gy.* Bevezetés [Вступительная статья] // *Dosztojevszkij F. Sztjepancsikovo és lakosai.* [Село Степанчиково и его обитатели. Скверный анекдот]. Budapest: Révai Kiadó, 1929. P. I-XXVI.

- Laziczius Gy.* Die Leibeigenenfrage bei Dostojewskij // Zeitschrift für slavische Philologie. 1931. Bd. VI, Hf. 1–2. S. 54–62.
- Nötzel K.* Das Leben Dostojewskijs. Leipzig, 1925. S. 334–335.
- Prochorov G.* Das soziale Problem bei Dostojewskij // Zeitschrift für slavische Philologie. 1929. No. 6. S. 375–410.
- Sebeok Th. A. (ed.)* Selected Writings of Gyula Laziczius. The Hague — Paris, 1966. 226 p.
- Sebeok Th. A. (ed.)* Portraits of Linguists: A Biographical Source Book for the History of Western Linguistics, 1745–1963: in 2 vols. Bloomington — London, 1966. 580 p.; 606 p.
- Sinkó E.* Egzisztencia és látszat. Jegyzetek Dosztojevszkij megértéséhez [Экзистенция и иллюзия. Заметки к пониманию Достоевского] // Korunk [Наша эпоха]. 1926. O. 175–185.
- Sinkó E.* Szemben a bíróval [Перед судьей]. Budapest, 1977. 483 o.
- Szini Gy.* Dosztojevszkij // Írói arcképek [Портреты писателей]. Budapest, 1922. O. 36–59.

Agnes Dukkon

DOSTOEVSKY IN HUNGARIAN INTELLECTUALS' SPIRITUAL ORIENTATION IN 1920'S

This article deals with question of reception of Dostoevsky in Hungary in 1920's. In the focus of the researcher stand two groups of publications: 1) Articles and essays appearing in print in the prestigious journal *Nyugat* (West), first and foremost the works of the famous linguist, Gyula Laziczius. 2) In group two we find the essay on Dostoevsky by the Hungarian writer and literary historian Ervin Sinkó, who was involved in the Hungarian Communist Revolution of 1919. The aim of the present paper is to show the multicolour reception of Dostoevsky in an age especially difficult in Hungarian history, to assess the standards of knowledge and understanding related to Dostoevsky's oeuvre, and finally to reveal individual, emotional factors motivating the authors cited in their choice of the particular topic.

Key words: Reception of Dostoevsky, Hungary, Gyula Laziczius, Ervin Sinkó, journal *Nyugat*, Stavrogin, existence, revolution.

References

- Belinsky V.G. *Polnoe sobranie sochineniy*: in 13 vols. Vol, 12. Moscow, 1956. 596 p. (In Russ.)
- Dictionary of Expressionism*. Available at: https://expressionism.academic.ru/724/%D0%A8%D0%B8%D0%BD%D0%BA%D0%BE%2C_%D0%AD%D1%80%D0%B2%D0%B8%D0%BD (date of access 15.08.2020). (In Russ.)
- Dukkon A. Gyula Laziczius o russkoi literature. *Studia Slavica Hung.* 1984, t. XXX. P. 157–164. (In Russ.)

- Dukkon Á. (ed.). *Orosz írók magyar szemmel*, III. *Az orosz irodalom magyar fogadtatásának válogatott dokumentumai 1920-tól 1944-ig*. Vol. 3. Budapest, 1989. 680 p. (In Hung.)
- Dukkon A. Retsepčia Dostoevskogo v Vengrii v 1920–1944 v kliuche existencial’noi filosofii. *Studia Slavica Hung.* 2007, no. 52/1–2. P. 87–94. (In Russ.)
- Dukkon A. K voprosu vospriyatiya Dostoevskogo v vengrii v pervoi polovine 20-go veka. Stukalova O., Olesina E. (eds.) *Integracija v obrazovanii: Teorija i praktika mezhdisciplinarnikh issledovanij*. Moscow, 2017. P. 113–122. (In Russ.)
- Kuncz A. Dosztojevskij miszticizmusa. *Nyugat.* 1924, no. I. P. 137–142. (In Hung.)
- Law case of Rajk in 1949: seen from Yugoslavia*. Available at: <https://urokiistorii.ru/article/52183> (date of access 10.08.2020).
- Laziczius Gy. Sztavrogin az Ördögösökben. *Nyugat.* 1927, no. II. P. 141–145. (In Hung.)
- Laziczius Gy. Fr. Hegels Einfluß auf V. Belinskij. *Zeitschrift für slavische Philologie.* 1929, no. 5. S. 339–355. (In Germ.)
- Laziczius Gy. Egy orosz bölcséleti folyóirat “Der russische Gedanke” (Jakovenko folyóírata). *Budapesti Szemle* [Budapest Review]. 1929, no. 214. O. 309–311. (In Hung.)
- Laziczius Gy. Bevezetés. In: Dosztojevskij F. *Sztyepancsikovo és lakosai. Ostoba eset*. Budapest: Révai Kiadó, 1929. O. I–XXVI (In Hung.)
- Laziczius Gy. Die Leibeigenenfrage bei Dostojewskij. *Zeitschrift für slavische Philologie.* 1931, Bd. VI, Hf. 1–2. S. 54–62. (In Germ.)
- Nötzel K. *Das Leben Dostojewskijs*. Leipzig, 1925. S. 334–335. (In Germ.)
- Prochorov G. Das soziale Problem bei Dostojewskij. *Zeitschrift für slavische Philologie.* 1929, no. 6. S. 375–410. (In Germ.)
- Sebeok Th. A. (ed.) *Selected Writings of Gyula Laziczius*. The Hague — Paris, 1966. 226 p.
- Sebeok Th. A. (ed.) *Portraits of Linguists: A Biographical Source Book for the History of Western Linguistics, 1745–1963*. Bloomington — London, 1966. 580 p.; 606 p.
- Sinkó E. Egzisztencia és látszat. Jegyzetek Dosztojevskij megértéséhez. *Korunk.* 1926. O. 175–185. (In Hung.)
- Sinkó E. *Szemben a bíróval*. Budapest, 1977. 483 o. (In Hung.)
- Szini Gy. Dosztojevskij. In: *Írói arcképek*. Budapest, 1922. O. 36–59. (In Hung.)